

* * *

Мы поездом привозим на юга
давно здесь позабытые снега,
простуженные ветры городов,
где тесно от машин и поездов.
И южная дождливая зима
застынет зачарованно сама,
когда лосей ветвистые рога
из кроны яблочной проступят, напугав.
И дальнего вокзала болтовня
на ветках раскачается, звеня,
и в снег зароется. Мерцание шаров
вплетается в кружение миров.
Переполюя тишиною сад
сугробы удивлённые стоят.
Кружится снег. И тенью кружевной
спешат волхвы за тихую звездой.

CINEMA

Старый индеец проведёт до канадской границы.
Ветер мустангом рванёт – поминай, как звали.

Бог бледнолицый перелистнёт страницы.
Иди и насвистывай – фильма в самом начале.

Выжженный временем белый козлиный череп
высится в самом центре земного шара.
Впереди хэппи-энд – главное в это верить.
Но ночь наступает быстрее, чем пустеет тара.

Что тебе снится, какие такие сходни
каких пароходов, лёгших на мелководье?
В иллюминаторы бог бледнолицый смотрит
и по каютам гуляют тени мелодий.

Всё это было давно, не с тобой, и ладно.
Жизнь – синема, прибытие паровоза.
Станция, грустная девушка, палисадник.
Синий, пьянящий как виски, вечерний воздух.

Все обещания – по ветру тихим прахом.
Череп козлиный встаёт вместо солнца утром.
Когда ты ушёл, никто по тебе не плакал.
Только кузнечик трещал в колесе погнутом.

Лишь оглянулся, запечатлев на плёнке
серую станцию, несколько пыльных куриц,
на верёвке пеньковой удушенника, пять пелёнок,
винную лавку между двух безысходных улиц.

Время кузнечиков оказалось пустым и звонким
будто начальные кадры кинокартины.
Но где-то кончается прерия вместе с плёнкой,
и остаётся лишь старый индеец с башкой козлиной.